

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
ЕВРОПА — СОДОМЪ
изъ книги «Атлантида-Европа»

I

«Первое явленіе Женомужчинъ, потомковъ Содомлянъ, пощаженныхъ небеснымъ огнемъ», такъ озаглавилъ первую главу въ книгѣ своей «Содомъ и Гоморра», въ этомъ сердцѣ исполинской, четырнадцатичастной трагедіи-повѣсти, писатель, можетъ быть, величайшій не только во Франціи, но и въ Европѣ нашихъ дней, Марсель Прусть. А подъ заглавіемъ эпитафій:

Женщинѣ будетъ Гоморра,
Будетъ мужчинѣ Содомъ.

За двадцать пять вѣковъ послѣ діалоговъ Платона о «небесной» любви, это явленіе Женомужчинъ, Содомлянъ и Мужеженщинъ, Гоморрянокъ, въ самомъ дѣлѣ, первое во всемирной исторіи. Въ темныхъ углахъ таилось оно всегда, но только здѣсь вышло впервые на свѣтъ. Пишущій самъ — обитатель Содома, если и «пощаженный небеснымъ огнемъ», то, кажется, только наполовину, спасшійся весь въ страшныхъ ожогахъ, полу-живой. Главная любовь его, Альбертина-Альбертъ, мужчина, какъ мы узнаемъ изъ жизнеописанія Пруста; главное, послѣ него самого, дѣйствующее лицо трагедіи — кажется, Мефистофель самаго Пруста-Фауста, — Шарлюсь, цвѣтъ того, что мы теперь называемъ «европейской», а когда-то называли «христіанской» культурой — цвѣтъ ума, образованія, таланта, изящества, — нисходитъ до послѣднихъ глубинъ паденія, до самаго дна «Мертваго моря» содомскаго, гдѣ этотъ жалкій потомокъ славныхъ предковъ, болѣе чистой крови, чѣмъ королевскій домъ Франціи, соединяется съ народомъ въ новой страшной «революціи» — въ «свободѣ, равенствѣ и братствѣ» Содома. Шарлюсь — «герой нашего времени», такъ же какъ Ромео, Донъ-Жуанъ и Вертеръ — герои своихъ временъ.

«Племя проклятое, — говоритъ Прусть, можетъ быть, не только о Шарлюсахъ и Альбертинахъ-Альбертахъ, но и о себѣ самомъ, — вынужденное жить во лжи и клятвopеступленіи, потому что знаетъ, что его желанія — то, что для всякаго живого творенія составляетъ сладость жизни, считается преступнымъ и постыднымъ, непризнаваемымъ; вынужденное отрекаться отъ Бога, потому что, будучи даже христіанами, люди эти, когда

появляются на скамьѣ подсудимыхъ, должны, передъ Христомъ и во имя Его, защищаться, какъ отъ клеветы, отъ того, чѣмъ они живутъ; дѣти безъ матерей, которымъ должны они лгать всю жизнь и даже на ихъ смертномъ одрѣ... Отверженная, но значительная часть рода человѣческаго, подозрѣваемая тамъ, гдѣ ея нѣтъ, дерзко-являемая тамъ, гдѣ она не угадана; считающая вѣрныхъ своихъ въ народѣ, въ войскѣ, въ церкви, на тронѣ и на каторгѣ; живущая... въ опасной и ласковой близости съ людьми враждебнаго племени, вызывающая ихъ, играющая съ ними, говорящая имъ о своемъ пороцѣ, какъ о чужомъ, — ложь и слѣпота другихъ облегчаютъ имъ эту игру, которая длится иногда многіе годы, до дня позора, когда укротители звѣрей ими пожираются». — «Такіе неисчислимые, что можно сказать о нихъ словомъ Писанія: «будеть потомство твое, какъ песокъ морской», — населили они всю землю. И разрушеннаго Содома возстановлять имъ не надо: «онъ и такъ вездѣ».

II

Что наворожилъ «Войной и Миромъ» Толстой, мы знаемъ, — первую всемірную войну; что навораживаетъ Прусть «Содомомъ и Гоморрой», мы еще не знаемъ. Между Толстымъ и Прустомъ явной связи нѣтъ, но есть, можетъ быть, тайная. Все у Толстого — къ войнѣ; все у Пруста — отъ войны. Что значить «Война и Миръ», мы поняли только въ войнѣ; только въ мирѣ, можетъ быть, поймемъ, что значить «Содомъ и Гоморра». Наша война — Атлантида, нашъ миръ — Содомъ.

III

«Миромъ правятъ Нейкосъ и Филотесъ, Распря и Дружество», учитъ Эмпедокль. Или противоположнѣе, созвучнѣе: Эросъ и Эрисъ, Любовь и Ненависть, Миръ и Война.

«Эросъ побѣждаетъ Ареея, въ Афродиту влюбленнаго», напоминаетъ живую басню Платонъ; въ дѣйствительности, богъ войны и богъ любви, Эрисъ и Эросъ, — два близнеца сросшихся, всегда другъ друга борющихся и никогда не побѣждающихъ. Эросъ, такъ же какъ Эрисъ, вооруженъ ядовитыми стрѣлами. «Духъ войны, Полемосъ, — отецъ всего», учитъ Гераклитъ. Нѣтъ, только одинъ изъ двухъ отцовъ, а другой — Эросъ.

То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) — ликъ молодой —
Былъ гнѣвнъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

Первый — лютое Солнце Войны, Аполлонъ-Губитель; второй —
нѣжная Луна Содомы, Діонисъ-Андрогинъ.

IV

«Язва убійства» — война: «язва рожденія» — Содомъ.

«Благодарю Тебя, Господи, что я никого не родилъ и никого не
убилъ». Въ этой нѣсколько страшной для непосвященныхъ, какъ бы «Со-
домской», молитвѣ, русскій ученикъ Платона, Вл. Соловьевъ, соединяетъ
эти двѣ язвы въ одну.

Поль съ войной пересѣкаются, но точки пересѣченія, большою
частью слишкомъ глубоки, невидимы.

Главный очагъ войны, любовь къ отечеству, связываетъ малыя
семьи въ большія — въ роды, народы, племена, связью крови — сѣмени.
Это и значить: поль рождаетъ войну; Эросъ-Этносъ рождаетъ Эриса.

Вотъ одна точка пересѣченія, а вотъ и другая. *Proles* по латыни
значить «потомство», «приплодъ»; «пролетаріи» — «плодушіе», бѣдняки,
у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ дѣтей; пушечное мясо для обѣихъ войнъ,
международной и гражданской, — войны, въ собственномъ смыслѣ, и вой-
ны-революціи.

«Коммунизмъ есть явленіе *Ж* (абсолютно-Женскаго) — неразли-
чимое единство... безраздѣльная сліянность», опредѣляетъ Вейнингеръ.
Всѣ — «товарищи», — ни мужчины, ни женщины, въ равенствѣ безлич-
ные, безполые, какъ муравьи въ муравейникѣ.

Милитаризмъ, обратная сторона коммунизма, есть явленіе *М* (абсо-
лютно-Мужскаго), тоже «безраздѣльная сліянность», «единство неразли-
чимое», безличное, безполое. «Многіе, слишкомъ многіе», по слову Нитцше,
рождаются въ похоти, слѣпомъ Эросѣ, убиваются въ ярости, слѣпомъ Эри-
сѣ. Чѣмъ на землѣ чадороднѣе, тѣснѣе, голоднѣе, тѣмъ воинственнѣе. Бу-

ря войны взметаешь человѣческую пыль «плодущихъ», безличныхъ. Солнце пола сушить человѣческой лѣсъ для пожара войны.

Эросъ — въ человѣкѣ, Эрисъ — въ человечествѣ. Кровь сначала загорается похотью, а потомъ льется на войнѣ. «Язву убійства» — войну, углубляетъ «язва рожденія» — блудъ, Содомъ.

V

Тайну Sodoma и ей наиболѣе противоположную тайну божественной двуполости, первую — такъ ясно, какъ этого не дѣлалъ никто никогда, вторую — очень смутно, открываетъ Платонъ въ «Пирѣ».

Нѣкогда было не два, какъ сейчасъ, а три пола: мужской, отъ Солнца, Отца, женскій, отъ Земли, Матери; а третій мужеженскій или женомужскій, отъ Луны, причастной обоимъ естествамъ — земному, материнскому, и солнечному, отчему. Два пола уцѣлѣли, третій — исчезъ, но слѣдъ его сохранился въ однополой любви, мужчинъ къ мужчинамъ, поклонниковъ Афродиты Небесной, Ураніи, безсмертной и бесплодной Дѣвы. «Люди третьяго пола» влекутся другъ къ другу, чтобы возстановить единство божественной личности, разрушенное въ человѣкѣ половымъ дѣленіемъ. Мужчины любятъ мужчинъ, женщины — женщинъ, потому что для тѣхъ въ мужскомъ просвѣчиваетъ женское, а для этихъ въ женскомъ — мужское, какъ бы золотая розсыпь первичной двуполости — цѣлаго Человѣка, Андрогина, большаго, чѣмъ нынѣшній человѣкъ, расколотый на-двое, на мужчину и женщину, сверкаетъ въ темной рудѣ двухъ раздѣльныхъ половъ.

Вотъ это-то возможно-большее, первично-цѣлое, совершенное, и плѣняетъ «людей луннаго свѣта» въ однополой любви.

VI

Двумъ поламъ сопутствуетъ третій, какъ живой землѣ — мертвая луна, Атлантида Небесная. Если такъ, то Содомъ вѣченъ, и величина его постоянна. Ростъ и убыль его, подобно фазамъ луны, мнимы; дѣйствительная же величина неизмѣнна; неизмѣнно количество, измѣняется лишь качество. Въ наши дни, оно измѣнилось, какъ никогда, за два тысячелѣтія христіанской исторіи. Люди всегда и вездѣ воевали, и часть ихъ всегда и

вездѣ жила въ Содомѣ; но такой войны, какъ послѣдняя, и такого Содома, какъ нынѣшній, никогда и нигдѣ еще не было.

Главной, внутренней стѣной, отдѣлявшей бракъ отъ Содома, былъ «священный ужасъ»: бракъ отъ Бога, Содомъ отъ дьявола. Ужасъ разсѣялся, религіозный доводъ палъ, и съ нимъ пошатнулись всѣ остальные, нравственные, социальныя, эстетическія, научныя, философскія доводы. Только внѣшняя стѣна уцѣлѣла — уголовное законодательство. Но святости брака не доказываютъ законы противъ содомлянъ, такъ же какъ святости собственности не доказываютъ законы противъ фальшиво-монетчиковъ: тѣ уменьшаютъ приростъ населенія, эти подрываютъ финансы, но съ нравственнымъ зломъ и добромъ такія соображенія не имѣютъ ничего общаго.

Можетъ быть, уцѣлѣлъ и главный корень всѣхъ нерелигіозныхъ доводовъ противъ Содома — слабый пережитокъ того же священнаго ужаса: однополая любовь «противоестественна». Но мы вѣдь хорошо знаемъ, что въ жизни многихъ растений и животныхъ господствуютъ такія чудовищныя на человѣческой взглядъ, «половыя извращенія» вообще, и такой «андрогинизмъ» въ частности, что лучше бы намъ на природу не ссылаться вовсе: всѣ наши человѣческія мѣрки «естественнаго», «согласнаго съ природой», ею же самой ломаются безжалостно. Да и что такое «культура», «техника», все человѣческое творчество, какъ не борьба человѣка съ природой, выходъ изъ нея во что-то иное, можетъ быть, высшее, то есть, въ послѣднемъ счетѣ, движеніе человѣка противъ или сверхъ естества? Почему же мы включаемъ въ это движеніе все, кромѣ пола?

И, наконецъ, послѣдній, отчаянный доводъ: родъ человѣческой Содомомъ прекращается, а надо, чтобъ онъ продолжался. Но почему надо, мы не знаемъ. Лучшая часть его — первохристіане — ждала, и большая часть его — буддисты — все еще ждетъ конца своего, какъ избавленія, и надо сказать правду, ходъ міра вовсе не таковъ, чтобы легко было доказать, что ожиданіе это безумно или безнравственно.

VII

Вотъ въ чемъ измѣнилось качество Содома въ наши дни. Прустъ не ошибся: «первое явленіе Женомужчинъ» произошло даромъ; вышли на свѣтъ и уже въ темноту не уйдутъ. Содомъ глубже, чѣмъ думаетъ бракъ;

день брака заходитъ, восходитъ ночь Содома, святая или грѣшная, благоуханная или смрадная, — это смотря по вкусу. Паль Сіонъ, Содомъ возсталъ. Племя, «отверженное» нѣкогда, теперь уже такимъ себя не чувствуетъ: древнее проклятье снято съ него, и огненный дождь ему не страшенъ. «Третій полъ» смотритъ прямо въ глаза двумъ остальнымъ и говоритъ: «я, какъ вы; я лучше васъ; я первенецъ созданія, свѣтъ міра, соль земли: вы — половины, я — цѣлое».

VIII

Вотъ небывалое. Былъ «Божій миръ», *pac Dei*, и люди, воюя, знали, что нельзя воевать, убивать: «не убій», смутно помнили; былъ Божій бракъ, и люди, живя въ Содомѣ, знали, что Содомъ — ужасъ и мерзость. А теперь разрѣшили себѣ и то и другое, *по совѣсти*, такъ беззащитно-преданы, какъ никогда, этимъ двумъ язвамъ — войнѣ и Содому.

Демону пола, неумолимой Судьбѣ, Адрастей, какъ называютъ его Фригійскія таинства бога Аттиса, — «изступленному обоимъ половъ вожделѣнію», *insana et furialis libido, ex utro que sexu nata*, какъ называетъ его одинъ тогдашній христіанскій писатель, — этому искушающему демону совѣсть человѣческая, въ наши дни, въ молчаніи всѣхъ религій, отвѣчаетъ какъ императрица Юлія Домна отвѣтила сыну своему, Каракаллѣ на ложѣ кровосмѣшенія: «*si libet licet*, если хочешь, — можешь».

Свѣжій румянецъ на Европейское яблочко все еще наводитъ лютое лицемѣріе, особенно, въ Англо-Саксонскихъ странахъ (вспомнимъ гибель Оскара Уайльда), но сердцевину яблочка уже изѣлъ червь Содома. Миръ никогда еще не былъ подъ такимъ грознымъ знакомъ двойного конца: Европа — война, Европа — Содомъ.

IX

Книга Вейнингера, «Полъ и характеръ», появилась въ 1903 году, послѣ самоубійства автора. «Я убиваю себя, чтобы не имѣть возможности убивать другихъ», писалъ онъ передъ смертью. Многіе могли бы это сдѣлать и сказать, черезъ десять лѣтъ, наканунѣ войны, но только одинъ Вейнингеръ понялъ, что между поломъ и войной есть какая-то страшная связь: «половое соитіе родственно убійству».

Вейнингеръ, двадцатилѣтній юноша, ненавистникъ женщинъ, но-

вый Аттисъ, могъ бы такъ же, какъ тотъ, древній, оскопившись у ногъ Адрастейи, двуполого демона, воскликнуть: «вотъ тебѣ то, чѣмъ причинилъ ты столько безумствъ и злодѣйствъ!».

Х

«Я могъ бы наполнить багровыми клубами дыма міръ, но не хочу; и сгорѣло бы все, но не хочу», скажетъ Розановъ, противоположный двойникъ Вейнингера, женолюбецъ, итифаллическій, вождѣлющій Аттисъ (быль и такой), или устами Розанова, все тотъ же демонъ съ двойнымъ лицомъ — войной и Содомомъ, поджигатель всѣхъ обреченныхъ міровъ, Атлантидъ.

Нитцше, Розановъ, Ленинъ — личность, полъ, общество. Первая искра пожара вспыхнула въ личности, долго и незримо тлѣла въ полѣ, и, наконецъ, пламя выкинуло въ обществѣ и «багровыми клубами дыма» наполнило пока еще только Россію, но, можетъ быть, наполнить міръ, и «сгорить все».

«Духъ вынуть изъ пола, и умирающее тѣло его заражаетъ зловоньемъ своего разложенія цивилизацію», остерегаетъ Розановъ. Да, нынѣшній полъ Европы — Дантова «злая яма», *mala boggia*, — самая ледяная и черная бездна Ада: въ нее-то все и проваливается, какъ Атлантида; внѣшній провалъ — война, внутренній — Содомъ, и какой изъ нихъ глубже, трудно сказать.

«Я думаю: не можно ли эту цивилизацію послать къ чорту на рога, какъ несомнѣнно отъ чорта она и происходитъ?» скажетъ Розановъ. Розановъ скажетъ — Ленинъ слѣдуетъ.

ХІ

«И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо, если бы въ Содомѣ явлены были силы, явленные въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня. Но говорю вамъ, что землѣ Содомской отраднѣе будетъ въ день суда, нежели тебѣ». Это, можетъ быть, и о нашемъ Капернаумѣ, бывшей христіанской Европѣ, сказано.

ХП

Въ двухъ діалогахъ Платона объ Атлантидѣ, «Тимеѣ» и «Критіи» дана эсхатологія войны, а въ двухъ діалогахъ объ Эросѣ, «Федръ» и «Пирръ», — эсхатологія пола. Общіе корни ихъ уходятъ въ «тайное знаніе» Орфиковъ, но, кажется, связь ихъ остается самому Платону непонятною, можетъ быть, потому, что и здѣсь, въ Эросѣ, такъ же какъ тамъ, въ Атлантидѣ, концы съ концами у него не сходятся.

«Когда же постепенно божеская природа истощалась въ нихъ (Атлантахъ), и человѣческая окончательно возобладала надъ божеской, то они уже не могли вынести того, что имѣли, и *развратились*».

Начали развратомъ, кончили войной; Эросъ началъ, кончилъ Эрисъ. Это и значить: Атлантида, гибель перваго міра, — война и Содомъ вмѣстѣ.

«Всякая плоть *извратила* путь свой на землѣ», подтверждаетъ Платона Бытіе. Какъ извратила, мы знаемъ по опыту нашей собственной плоти — первому явленію Женомужчинъ; знаемъ и по Книгѣ Еноха. Очень знаменателенъ этотъ религіозный опытъ народа Божьяго, Израиля, почти наканунѣ Рождества Христова, почти у колыбели Христа: «Ангелы, погрязшіе въ похотяхъ», по толкованію Климента Александрійскаго, соблазненные, какъ будто «небесною», «ураническою», а на самомъ дѣлѣ, слишкомъ земною, любовью къ дочерямъ человѣческимъ, учатъ ихъ «язвѣ рожденія» и «язвѣ убійства», Содому и войнѣ — «вытравливать плодъ» и «ковать оружье» (Книга Еноха). — «Какъ Содомъ и Гоморра... подобно имъ (падшимъ Ангеламъ), блудодѣйствовавшіе и ходившіе за иною плотью, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ, такъ точно будетъ и съ мечтателями сими», остерегаетъ Посланіе Іуды. Эти «мечтатели» — уранисты, содомляне.

Первые, по Книгѣ Еноха, научились воевать не мужчины, а женщины, или точнѣе, мужеженщины, «Амазонки», — «плоть, извратившая путь свой на землѣ», — женская половина Содома:

Женщинъ будетъ Гоморра,
Будетъ мужчинъ Содомъ.

Десять тысячъ изъ двадцати — значить, половина «Воиновъ — Стражей», *phylakes*, управляющихъ допотопными Аѳинами, по миѳу Пла-

тона, — «Амазонки», и богиня ихъ, Аѳина Тритонія, — мужеподобная Дѣва, Амазонка. Рядомъ съ Атлантами, у подножія горы Атласа и у озера Тритониса, откуда и Аѳина Тритонія, жили Амазонки, — сообщаетъ Діодоръ миѳъ или прѣисторію. Если такъ, то вотъ гдѣ корень войны и Содома — въ Атлантидѣ, въ первомъ челоуѣчествѣ.

XIII

«Зевсъ рѣшилъ наказать развращенное племя людей (Атлантовъ) .. и, *сбравъ боговъ, сказалъ имъ такъ...*». На этихъ словахъ обрывается «Критій» Платона, діалогъ объ Атлантидѣ — Эрисѣ; продолженіе въ діалогѣ объ Эросѣ — въ «Пирѣ».

«Крѣпки и могучи были тѣла ихъ, велика отвага; это внушило имъ дерзкое желаніе взойти на небо и сразиться съ богами, какъ повѣствуетъ Гомеръ объ Эвѣальтѣ и Отѣ (Гигантахъ-Титанахъ), — сообщаетъ Платонъ, кажется, древній, орфическій, миѳъ объ Андрогинахъ, людахъ погибшаго перваго міра. — Зевсъ совѣщался съ богами, что предпринять. Дѣло было трудное: боги не хотѣли истребить челоуѣческой родъ, какъ нѣкогда истребили Гигантовъ, поразивъ ихъ молніей, потому что богопочитаніе и жертвы прекратились бы; но и дерзости такой терпѣть не могли. Наконецъ, *посль долгаго совѣщанія съ богами, Зевсъ сказалъ имъ такъ:* «я, кажется, нашель способъ сохранить и усмирить людей: должно уменьшить силу ихъ. Разсѣку ихъ пополамъ, и они ослабѣють». Зевсъ уже не истребляетъ людей, какъ древнихъ Гигантовъ, молніей, а только разсѣкаетъ ихъ пополамъ, тоже, вѣроятно, молніей; небеснымъ огнемъ казнены будутъ и люди третьяго пола въ Содомѣ.

«Дерзость», *hubris*, «духъ титанической, божеской гордости» погубилъ Атлантовъ; губить и Андрогиновъ, и падшихъ Ангеловъ: тѣмъ внушаетъ желаніе «взойти на небо и сразиться съ богами», этимъ — сойти на землю, чтобы поднять ее на небо и сразиться съ Богомъ. Та же «дерзость», тотъ же бунтъ — въ войнѣ Атлантовъ и въ любви Андрогиновъ-Ангеловъ, въ Эрисѣ и Эросѣ.

XIV

«Зевсъ, собравъ боговъ... сказалъ имъ такъ», это въ «Критіи»; «Зевсъ послѣ долгаго совѣщанія съ богами, сказалъ имъ такъ», это въ «Пирѣ». Тѣ же слова, тотъ же смыслъ въ обоихъ мифахъ, объ Атлантахъ и Андрогинахъ. Кажется, ясно, что это не два мифа, а одинъ въ двухъ разныхъ порядкахъ, и можно только удивляться, что этого не видитъ самъ Платонъ. А можетъ быть, и видитъ, но скрываетъ отъ насъ, непосвященныхъ, и даже отъ самаго себя, эту слишкомъ святую и страшную тайну Конца: если бы увидѣлъ ее, умеръ бы отъ страха, не дописавъ «Пира», какъ, дѣйствительно, умеръ, не дописавъ «Атлантиды».

XV

Страшно Платону, страшно и намъ. Сколько бы ни успокаивалъ, ни увѣрялъ насъ «божественный учитель», Сократъ, что любовь «уранистовъ», «небесниковъ» (нѣсколько смѣшное, но глубокое слово), въ самомъ дѣлѣ, «небесная», потому что ищетъ «не столько тѣла, сколько души» (но и тѣла, вотъ невольное и важное признаніе), — въ этой любви все-таки дышетъ Содомъ, этотъ рай пахнетъ адомъ. Правъ Сократъ, что уранистъ любить жертву свою, «какъ волкъ любитъ ягненка». Плотскихъ любовниковъ ждетъ меньшая награда, чѣмъ духовныхъ, но все же небесная. Вѣрно угадалъ и Квителианъ, зачѣмъ Алквивіадъ ложится на ложе Сократа и проводить съ нимъ долгую зимнюю ночь, подъ однимъ плащомъ: *pati voluerit... sed corrumpi non posset*, хотѣлъ но не могъ его соблазнить, чтобы получить отъ него эту цѣную «мудрость» и «добродѣтель», за что Сократъ не осуждаетъ его, — напротивъ.

«Бредомъ пьяныхъ» назвалъ Аристотель все ученіе Платона объ Эросѣ, такъ же ничего не понявъ въ немъ, какъ въ «Атлантидѣ». Нѣтъ, страшно то, что если это и «бредъ», то не «пьяныхъ», а трезвыхъ; страшно невозмутимое спокойствіе, чистая совѣсть, съ которыми все это говорятъ и слушаютъ лучшіе люди и ученики «лучшаго изъ людей», Сократа. Въ голову никому изъ нихъ не приходитъ, что святою можетъ быть не однополая, «небесная» любовь, а земная, двупололая; женщиной даже не гнушаются они, а просто не видятъ ея, какъ солнца не видятъ безгла-

зья рыбы глубинъ; солнце дневное не грѣтъ ихъ — грѣтъ ночное солнце — луна, какъ русалокъ, Океанидъ, дочерей подводнаго царства, гдѣ погребена Атлантида.

Только сравнивая ихъ чувства съ нашими, мы начинаемъ понимать, какъ измѣнился въ христіанствѣ самый составъ религіознаго воздуха. Можетъ быть, нашъ новый Содомъ хуже древняго, но онъ уже не тотъ.

XVI

Страшно говорить о тайнѣ божественнаго Эроса, въ наши Содомскіе дни; но безъ нея ничего не поймешь въ Европѣ-Содомѣ, даже тучи нависшей надъ нимъ и готовой разразиться огненно-сѣрнымъ дождемъ не увидишь.

Тайна божественнаго Эроса, скрытая въ древнихъ мистеріяхъ — можетъ быть, наслѣдіе второго человѣчества отъ перваго, — открывается намъ или откроется когда-нибудь въ Божественной Троицѣ. Говоря нашимъ языкомъ, всегда о Богѣ слабымъ и грубымъ, даже въ чистѣйшихъ молитвахъ и откровеніяхъ невольно-кощунственнымъ, можно сказать: вѣчно-мужественное — въ Отцѣ, вѣчно-женственное — въ Духѣ Матери («Духъ», по-еврейски *Ruach* — женскаго рода), а сочетаніе этихъ двухъ началъ — въ Сынѣ: Церковь, Тѣло Христово, — Невѣста, а самъ Христосъ — Женихъ; это и значить: два начала въ Немъ — вѣчно-женственное и вѣчно-мужественное.

Дьяволь, «обезьяна Бога», подражаетъ ему во всемъ, — и въ этомъ: богъ Содомы, Андрогинъ, — искаженный, страшно сказать, въ дьявольскомъ зеркалѣ, Сынъ. Древніе могли, — а мы уже не можемъ этого не видѣть. Вотъ почему новый Содомъ хуже древняго: «и ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься».

XVII

Три Ангела посѣтили Авраама у дуба Мамрійскаго: Ангель Отца, Эль-Эліона, Ангель Сына, Эль-Шаддая, и Ангель Духа-Матери, Эль-Руаха. Первый остался съ Авраамомъ, а второй и третій пошли къ Лоту въ Содомъ. Ночью, «всѣ городскіе жители, Содомляне, отъ молодого до стараго, весь народъ со всѣхъ концовъ города, окружили домъ и вы-

звали Лота, и говорили ему: гдѣ люди, пришедшіе къ тебѣ на ночь? выведи ихъ къ намъ; мы познаемъ ихъ».

Вотъ лунная ночь Содома, благоуханная или смрадная, смотря по вкусу. Къ мужеженской прелести Ангеловъ воспылали неземною любовью уранисты, «небесники». Это-ли «божественный Эросъ» Платона-Сократа?

«И очень приступали къ Лоту, и подошли, чтобы выломать дверь. Тогда мужи тѣ (здѣсь, можетъ быть, содомлянамъ ангель Духа-Матери кажется Мужемъ, а гоморрянкамъ ангель Сына. Жениха, — Невѣстою) простерли руки свои и ввели Лота къ себѣ въ домъ, и дверь дома заперли. А людей, бывшихъ при входѣ, поразили слѣпотою, отъ малаго до большаго, такъ что они измучились, искавъ входа».

Тою же слѣпотою поражены до сего дня гости Платонова «Пира» — все неисчислимое, какъ песокъ морской, вездѣсущее племя содомлянъ, — ищутъ входа въ брачный чертогъ и находятъ «злую яму».

«Солнце взошло... и пролилъ Господь на Гоморру дождемъ сѣру и огонь съ неба. И ниспровергъ города сіи... И всталъ Авраамъ рано утромъ... и посмотрѣлъ къ Содому и Гоморрѣ... и увидѣлъ: вотъ, дымъ подымается отъ земли, какъ дымъ изъ печи» (*Бытіе*, XIX).

«Я могъ бы наполнить багровыми клубами дыма міръ, и сгорѣло бы все», говоритъ, въ наши дни, демонъ Содома, въ «первомъ явленіи Женуominiнъ». — «И дымъ отъ мученій ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ», скажетъ Ангелъ Апокалипсиса.

XVIII

«За что казнилъ Господь Сodomлянъ?» спрашиваетъ Талмудъ и отвѣчаетъ: вѣчный миръ и согласіе царили у нихъ, «земля ихъ была плодородна, стада многочисленны, и были они всеблаженны и всепрекрасны, но такъ пресытились этимъ блаженствомъ, что забыли Бога; за это Онъ ихъ и казнилъ».

Здѣсь Талмудъ какъ будто повторяетъ Платона: «будучи уже не въ силахъ вынести того, что имѣли, развратились они (Атланты)... И, слѣпые, почитали себя всеблаженными и всепрекрасными, въ то время какъ пресытились они неправеднымъ богатствомъ и могуществомъ». — «И Зевсъ рѣшилъ ихъ казнить». Это и значить: Атлантида — Содомъ: тотъ же грѣхъ — та же казнь.

XIX

«Лотъ возвелъ очи свои и увидѣлъ всю долину Иорданскую, что она, прежде, нежели истребилъ Господь Содомъ и Гоморру, вся орошалась водою, какъ садъ Господень», земной рай. Раемъ земнымъ была и Атлантида, Островъ Блаженныхъ.

Мертвая, у Мертваго моря, земля такъ доннынѣ опустошена, бесплодна, проклята, пропитана нефтью, солью, селитрою и сѣрою, такъ похожа на адъ, какъ ни одна земля въ мірѣ; котловина глубокая — вѣдьминъ котель съ ядовитымъ сгусткомъ на днѣ — моремъ синимъ, какъ синій купоросъ. Но радужно-свѣтящаяся горы Галаада и Моава все еще кажутся райскими; райскою свѣжестью дышетъ изъ горныхъ ущелій, по вечернимъ и утреннимъ зорямъ, благоуханіе лавророзовыхъ кустовъ и бальзамныхъ вересковъ сквозь смрадную сѣру и нефть, какъ воспоминаніе рая в аду.

Нынѣшніе бедуины-пастухи сохранили память о Содомѣ и Гоморрѣ въ именахъ двухъ горъ, Уздомъ-Гамура, (Usdom-Gamûra). Въ очень ясныя, какъ бы райскія, зимнія утра, на восходѣ солнца, воды Мертваго моря, металлически-тяжелыя, густыя, купоросно-синія, легчаютъ, яснѣютъ, прозрачнѣютъ, такъ что можно видѣть, говорятъ пастухи, подводное чудо на днѣ — два затонувшихъ города, окруженныхъ райскими садами и рощами; оба изъ бѣлаго мрамора и золота, такого великолѣпія, какого не было, нѣтъ и не будетъ никогда на землѣ.

XX

Атлантида на Западѣ, Содомъ на Востокѣ, — два крайнихъ звена одной цѣпи, а между ними — Европа. Или, въ другомъ порядкѣ: отъ Ермона, куда нисходили падшіе Ангелы (Книга Еноха), святые воды Иордана текутъ въ Мертвое море, а по-серединѣ, выходитъ изъ водъ крещенія Спаситель міра, еще или уже, Неизвѣстный.

XXI

Гибель великихъ цивилизацій отъ войны и разврата — общее мѣсто всемірной исторіи — только здѣсь, въ миѣѣ-мистеріи объ Атлантидѣ, гибели перваго человѣчества, получаетъ и для втораго, необщій, грозный

смыслъ, или, вѣрнѣе, два смысла. Въ тѣ дни, такъ же какъ въ наши, война и развратъ дѣлаются небывальными по качеству, — крайнимъ, кромѣшнымъ, уже не человѣческимъ, а сатанинскимъ зломъ. Вотъ первый смыслъ, а второй: мало одной воды и одного огня, — нужно ихъ соединеніе, чтобы произвести вулканической взрывъ — конецъ Атлантиды; такъ мало одной войны и одного разврата, — нужно ихъ соединеніе, чтобы произвести духовный взрывъ — конецъ нынѣшняго человѣчества.

Въ этихъ двухъ смыслахъ, первый конецъ подобенъ второму, Атлантида подобна Апокалипсису. «Я увидѣлъ жену, сидящую на звѣрѣ багрянномъ». Жена — великая Блудница — Развратъ, а багряный звѣрь — Война. «И держала золотую чашу, наполненную мерзостями и нечистою блудодѣйства ея», и «упоена была кровью святыхъ».

Похоть пылаетъ огнемъ въ крови, кровь льется на войнѣ, какъ вода: вода и огонь соединяются въ одинъ вулканической взрывъ — конецъ міра.

XXII

Вспомнимъ древне-мексиканскіе рисунки человѣческихъ жертвъ (Codex-Fejergaard-Mayer), гдѣ тоже соединяется сладострастье лютое съ лютою жестокостью въ одну религію дьявола. Такъ—въ обѣихъ гемисферахъ, восточной и западной, въ обоихъ человѣчествахъ, первомъ и второмъ.

Если такіе разные, такими безднами пространства и времени раздѣленные міры, какъ древніе мексиканцы, эллины, іудеи, христіане, ничего другъ о другѣ не зная, вспоминаютъ и предсказываютъ одно, то очень похоже на то, что эти совпаденія относятся къ дѣйствительному религіозному опыту человѣчества, — къ тому, что, навѣрное, было и, вѣроятно, будетъ. Все это и значить: Развратъ и Война грозятъ соединиться, какъ два конца одной веревки, въ мертвую петлю на шеѣ второго человѣчества, такъ же какъ перваго. Очень плохой для Европы знакъ, что они уже соединяются, и знакъ еще хуже, что этого почти никто не видитъ.

Кажется, еще не поздно: если бы только увидѣть петлю, можно бы ее развязать. Но увидимъ ли, — вотъ вопросъ.